

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ГРУППЫ ЯЗЫКОВ) / LANGUAGES OF PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES (INDICATING A SPECIFIC LANGUAGE OR GROUP OF LANGUAGES)

DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2025.63.8>

ПРАВСТВЕННАЯ НАВИГАЦИЯ В МОРЕ ПОСЛЕВОЕННОЙ ГЕРМАНИИ: КОГНИТИВНЫЕ МЕТАФОРЫ В МЕМУАРАХ НЕМЕЦКОГО ПОДВОДНИКА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Научная статья

Максимова В.В.^{1,*}

¹ ORCID : 0009-0004-3344-3809;

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (st056775[at]student.spbu.ru)

Аннотация

Данная статья посвящена анализу метафор в контексте военных мемуаров. Исследование проводится на основании двух гипотез: обладая мощным когнитивным потенциалом, метафоры способны проработать травму негативных воспоминаний; зачастую сферой-источником для метафор служит профессиональная деятельность – для того чтобы отразить болезненные переживания, человек обращается к знакомой, обусловленной его опытом и знаниями области. Цель исследования: определить основные функции и свойства метафор при описании травматического прошлого в военных мемуарах. Для поставленной цели было необходимо решить следующие задачи: проанализировать теоретические работы, посвященные когнитивным метафорам, найти в выбранных для анализа мемуарах метафоры, связанные с профессиональной деятельностью автора и отражающие его рефлексию, проследить, как с помощью метафор автор приходит к созданию для себя новых смыслов и жизненных установок. Материалом для исследования послужили мемуары немецкого подводника Второй мировой войны Эриха Топпа «Факелы над Атлантикой». На основе проанализированного практического материала был сделан вывод о том, что, смотря на послевоенную Германию через призму своей профессии и сравнивая жизнь с бурным морем, Топп при помощи метафор выражает свои болезненные переживания, которые через творческое напряжение приводят его к эмоциональной разрядке, позволяющей вновь обрести смысл жизни, найти «свой фарватер». Актуальность исследования заключается в его междисциплинарном характере – анализ проводится на стыке лингвистики и психологии, что отвечает современным тенденциям по объединению этих дисциплин для лучшего понимания человеческого сознания.

Ключевые слова: психолингвистика, военные мемуары, когнитивная метафора, функциональные свойства метафор.

MORAL NAVIGATION AT SEA IN POST-WAR GERMANY: COGNITIVE METAPHORS IN THE MEMOIRS OF A WWII GERMAN SUBMARINER

Research article

Maksimova V.V.^{1,*}

¹ ORCID : 0009-0004-3344-3809;

¹ St. Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation

* Corresponding author (st056775[at]student.spbu.ru)

Abstract

This article is dedicated to the analysis of metaphors in the context of war memoirs. The research is based on two hypotheses: possessing a powerful cognitive potential, metaphors are capable of working through the trauma of negative memories; often the source sphere for metaphors is professional activity – in order to reflect on painful experiences, a person turns to a familiar field, conditioned by his experience and knowledge. The aim of the research: to determine the main functions and properties of metaphors in describing the traumatic past in military memoirs. To achieve this objective it was necessary to solve the following tasks: to analyse theoretical works devoted to cognitive metaphors, to find in the memoirs selected for analysis metaphors related to the author's professional activity and reflecting his reflection, to trace how with the help of metaphors the author comes to create new meanings and life attitudes for himself. The material for the study was the memoirs of the German submariner of the Second World War Erich Topp 'Torches over the Atlantic'. On the basis of the analysed practical material it was concluded that, looking at post-war Germany through the prism of his profession and comparing life to a stormy sea, Topp expresses his painful experiences with the help of metaphors, which through creative tension lead him to emotional release, allowing him to regain the meaning of life, to find 'his tideway'. The relevance of the study lies in its interdisciplinary nature – the analysis is conducted at the intersection of linguistics and psychology, which is in line with the current tendencies to unite these disciplines for a better understanding of human consciousness.

Keywords: psycholinguistics, war memoirs, cognitive metaphor, functional properties of metaphors.

Введение

Словам всегда приписывали великую силу – силу, способную казнить или миловать, уничтожать или исцелять. И всегда задумывались о проблеме выражения невыразимого. «Мысль изреченная есть ложь» пишет Ф.И. Тютчев в стихотворении «Silentium!», призывая молчать и хранить чувства в глубине души, ведь «как сердцу высказать

себя?». И все-таки язык порой выражает невыразимое – самое потаенное, болезненное, травмирующее. И в этом процессе исцеления важную роль играют метафоры, способные в отреллексированном образе выразить тревоги, травмы, боль. Прием метафорического разговора используется в психотерапии, позволяя и врачу, и пациенту перейти от языка обыденного к языку сильных эмоций и переживаний. Так, метафора становится ключом к бессознательному и средством проработать негативные воспоминания, обрести исцеление и новые смыслы. Подобный подход к метафоре используется в когнитивной лингвистике и психологии – на современном этапе развития эти дисциплины стремятся работать сообща, чтобы лучше понять человеческое сознание.

Теоретические основания исследования

В рамках когнитивной лингвистики принято рассматривать метафору в качестве одной из основных ментальных операций [19, С. 54], [20, С. 91], с помощью которой человек может познать, понять и структурировать мир, а также выразить свое эмоциональное отношение к нему и выработать для себя новые смыслы и определенные установки по ориентации в действительности [16, С. 122], [17, С. 68]. Представляя собой микрокосм рационального и иррационального [14, С. 124], метафора за счет своего сильного когнитивного заряда способна создавать эмоциональное напряжение [9, С. 10], которое может заставить задуматься, вызвать рефлексии или же проработать определенную травму, приводя от напряжения к эмоциональной разрядке, схожей по характеру с исцелением [12, С. 98]. Так, метафора становится элементом кризисного мышления [8, С. 1124], и именно поэтому она оказывается на стыке интересов двух дисциплин – лингвистики и психологии.

Многие исследователи считают, что метафору целесообразно изучать в рамках психотерапии в качестве одного из основных средств общения между пациентом и психотерапевтом [1, С. 123], [17, С. 64], [18, С. 137], ведь она способна помочь, когда «слов уже не хватает», и появляется давно известная философская проблема невыразимости сильных чувств [7, С. 45–46]. И тогда на помощь приходят запечатленные в метафорах образы, выражающие боль, страх, тревоги. Иногда чувства – настолько сильные, что пациент невольно ощущает, что для их описания не подойдет обыденный язык, а значит, травмирующий опыт стоит творчески проработать с помощью воображения, создавая метафоры [3, С. 18]. А иногда говорить прямо – просто больно, и тогда метафоры выполняют роль своеобразного «лингвистического анальгетика», несколько смягчающего болезненный смысл. Раскрывая предложенный пациентом метафорический микрокосм, полностью погружаясь в него и доходя таким образом до самых глубин человеческого бессознательного, психотерапевт может лучше понять проблему и помочь своему пациенту проработать травму. Поэтому зачастую говорят о магической силе языка [7, С. 50].

Понять – значит найти хорошую метафору [4, С. 21]. Точная и сильная метафора может помочь в проработке негативных воспоминаний, тревог, страхов и боли. Но как строится такая метафора, дающая ключ к ментальности человека? В метафоре обычно выделяют два компонента: сферу-источник и сферу-мишень. Сфера-источник, призванная объяснить сферу-мишень, обусловлена опытом и знаниями человека [13, С. 424]. То есть метафорический перенос основывается на понятиях и явлениях какой-то знакомой человеку области. Зачастую сфера-источник связана с профессиональной деятельностью. Через ее призму, через ее прицел человек смотрит на сферу-мишень – нечто непонятное, требующее объяснения и структуризации.

Результаты исследования

Эрих Топп, профессиональный офицер, моряк, предстает в своих мемуарах словно смотрящим через перископ подводной лодки – через призму своей профессии, на покрытое густым туманом море – на послевоенную Германию. Топп, занимающий третье место в списке самых успешных немецких подводников по итогам Второй мировой войны [11, С. 229], еще в юности решил связать свою судьбу с морем, пройдя путь от вахтенного офицера надводного флота до командира подводной лодки. Как и большинство его товарищей, Эрих Топп верил в моральный долг солдата быть верным присяге до конца [6, С. 309], верил в беспрекословное повиновение, боевое братство и преданность государству, какую идеологию оно бы ни исповедовало [15, С. 466]. Его отличали агрессивность и воля к победе [11, С. 229]. И в «волчьих стаях» Карла Деница он смело вел свою подлодку в Битву за Атлантику, которая, по мнению Черчилля, была доминирующим фактором на всем протяжении Второй мировой войны [10, С. 5]. И пока гремели выстрелы, он был верен присяге, как честный солдат, но стоило замолкнуть орудиям, как пришло горькое и болезненное осознание катастрофы. Германия была повержена, а идеалы, с которыми немецкие офицеры шли в бой, оказались ложными. Настал не «нулевой час», а часы болезненной рефлексии наедине с двумя вопросами: «как все это было возможно?» и «как жить дальше?». Именно ответам на эти вопросы посвящены мемуары Эриха Топпа «Факелы над Атлантикой». И в этом поиске ответов ему помогают метафоры, сферой-источником для которых служит его профессия моряка, а сферой-мишенью – жизнь в разгромленной Германии. Метафоры позволяют проанализировать, понять и структурировать бурные потоки послевоенных лет и проработать травму прошлого.

Само название мемуаров «*Fackeln über dem Atlantik*» (факелы над Атлантикой) метафорично. Согласно словарю DWDS, слово *Fackel* часто употребляется в образном, поэтическом значении, выступая носителем чего-либо. Например, *die Fackel der Wahrheit* (факел истины); *die Fackel der Vernunft* (факел разума); *die Fackel der Wissenschaft* (факел науки). На рубке подводной лодки Эриха Топпа были нарисованы два танцующих красных чертенка, держащие в руках факелы разрушения и жизни: *tanzende rote Teufel mit den Fackeln der Vernichtung und des Lebens* [21, С. 19]. С этим гербом Топп отправлялся в ожесточенные бои, и факел разрушения горел все ярче. Но после того, как смолкли последние выстрелы, ярче должен был воссиять факел жизни. Однако он терялся в тумане горького отчаяния, во мрачных тенях такого недавнего и все еще живого и страшного прошлого, которое принуждало к болезненной рефлексии [2, С. 13, 73]. В мемуарах Эрих Топп рассказывает свой личный путь «Одиссея», после окончания войны блуждающего в тумане рефлексии, но все-таки нашедшего факел жизни, который из тусклой искры надежды уверенно воссиял несмотря ни на что: *die Fackel des Lebens leuchtet aber, damals ein Hoffnungsschimmer, heute eine strahlende Gewißheit* [21, С. 19].

Но сначала была катастрофа разгромного поражения. Открылись зверства режима, которому Эрих Топп, воспитанный в духе прусских традиций беспрекословного подчинения [5, С. 209], был верен до самого конца. Остались лишь руины и один единственный горький вопрос: «как это было возможно?». Топп называет произошедшее безумием, драмой. Слово *Drama* в переносном значении отражает какую-либо сложную, запутанную или даже отчаянную ситуацию: *Das eben war das Drama des Lebens* (это и была драма жизни). И в драму войны поколение Эриха Топпа было втянуто на роль статистов.

Meine Generation war in den Wahnsinn und das Drama des Krieges hineingetaumelt. Wir waren nur Statisten in diesem Drama [21, С. 19].

Верно служащие своему государству и убежденные в необходимости соблюдать присягу, немецкие офицеры вынуждены были играть в этой военной драме Третьего рейха свои строго ограниченные приказами роли. О том, что происходило за кулисами страшной драмы, немецкие военные либо не знали, либо не хотели знать. Метафора «драмы» в мемуарах Эриха Топпа призвана подчеркнуть то горькое отчаяние, которое испытывали многие немцы, осознавшие, что были всего лишь статистами – безмолвными, покорными, следующими за одержимым фанатиком Гитлером, повинувшись странному импульсу, повинувшись сладким речам пропаганды, словно песням сирен, что сбивают с пути, увлекая в ад погибели. И немцы не смогли противостоять злему очарованию сирен тоталитарного режима, последовав за ним в пропасть разгромного поражения.

Warum folgten wir den Sirenenklängen des totalitären Regimes? (Почему мы последовали на зов сирен тоталитарного режима?) [21, С. 8].

Согласно словарю DWDS, сирена – это мифическое существо женского пола, которое своим красивым пением заманивает моряков в ловушку. Слово *Sirene* часто употребляется метафорически для обозначения, как правило, человека, который своими обольстительными речами затуманивает разум. С помощью метафоры «песен сирен» Эрих Топп выражает всю чудовищность режима Третьего рейха, который столько лет скрывал свои преступления за красивыми и благозвучными речами пропаганды. Так, сирены прячут свою истинную звериную сущность за чарующей внешностью и сладкими песнями, увлекая моряков в пропасть. И на дне этой пропасти таились для Германии горькая рефлексия и травма прошлого, требующая проработки. Этой рефлексии и этой травме прошлого Эрих Топп посвящает несколько глав в своих мемуарах. Метафора «пропасти» призвана подчеркнуть всю глубину падения страны, отчаянность и катастрофичность ситуации. Но катастрофа не сломила волю Топпа – он хотел разобраться в ней, проанализировать произошедшее, чтобы понять, как жить дальше.

Nach dem Sturz in den Abgrund versuchte ich, dieses schreckliche Geschehen zu analysieren. (После падения в пропасть я попытался проанализировать все те ужасы, что произошли с нами) [21, С. 152].

С окончанием войны погасли не только «факелы разрушения», не только сигнальные огни боевых кораблей, не только пожары над Атлантикой, но и огни нравственных маяков, которые несмотря ни на что дарили свет все эти годы. Былые идеалы были осуждены, и вместо них пока еще не были найдены новые. Старая идеология была предана анафеме, и вместо нее пока еще не появилась новая. Это было время безвременья, время мрачных теней прошлого, время густого тумана, скрывающего огни надежды и жизни. Туманным морем представляется Эриху Топпу послевоенная, разгромленная, потерянная Германия. И, смотря на ее воды, как когда-то с мостика своей подводной лодки на воды Атлантики, он начинает искать свой путь Одиссея, жаждущего вернуться на родину, найдя ответы на вопросы и смысл жизни.

Метафорически представляя жизненный путь, словно навигацию в бурном море, полном опасностей и теней прошлого, Эрих Топп пишет о том, что готов начать все сначала и отправиться на поиски новых берегов. Слово *Ufer* употребляется в переносном значении в контексте пути к чему-либо, в контексте начала чего-либо нового, например: *Zu neuen Ufern lockt ein neuer Tag* (к новым берегам манит день новый). Для путешественника к новым берегам Топп метафорически дает себе хороший морской совет: сначала нужно сориентироваться.

Ich war aus der unmittelbaren Gefahrenzone heraus, war mit meiner Familie vereint und konnte zu neuen Ufern aufbrechen. Zu neuen Ufern hieß zunächst einmal: Erkenne die Lage. (Я был вне непосредственно опасной зоны, был вновь со своей семьей и мог отправиться к новым берегам. А это значило, что для начала нужно было разведать обстановку) [21, С. 166].

Однако сориентироваться в беспокойном море послевоенной Германии и найти необходимые ориентиры было не так просто. Духовного опыта порой не хватало, чтобы справиться с неопределенностью времени, которую Топп метафорично называет «неспокойным фарватером». Слово *Fahrwasser* помимо своего прямого значения из морского языка имеет и переносное – например, линия в политике или определенный курс, стиль жизни: *Immer mehr geriet der Norden in das Fahrwasser der englischen Politik* (Север все больше и больше попадал в фарватер английской политики); *in seinem Fahrwasser sein* (быть в своем фарватере, быть в своей стихии). В мемуарах Топпа слово *Fahrwasser* призвано охарактеризовать беспокойный, неопределенный курс послевоенной Германии.

Das geistige Rüstzeug, mit dem wir aus Elternhaus und Schule entlassen waren, reichte nicht, um uns die Orientierungsmarken in dem unruhigen Fahrwasser der Zeit zu geben. (Духовного арсенала, полученного нами в родительском доме и в школе, не хватало, чтобы дать нам ориентиры в беспокойном фарватере времени) [21, С. 145].

И тогда на помощь все-таки приходило прошлое – не кровавое и жуткое, а наполненное знаниями и опытом многовековой западной культуры. Эту культуру Топп метафорически представляет в виде потоков. Слово *Strom* с его переносным значением ряда последовательных событий (политических, исторических, культурных) позволяет автору отразить ту силу, которой он мог бы доверить свой путь в бурном море идеологической и нравственной неопределенности.

Ich wollte mich tragen lassen von den großen Strömen unserer Kultur. (Я хотел, чтобы меня подхватили великие течения нашей культуры) [21, С. 192].

Прорабатывая травму прошлого, Эрих Топп обращается к... прошлому, ища в истории Германии ориентиры и маяки, которые нужно постараться зажечь во мрачном настоящем. Главная проблема состоит, по его мнению, в недостаточном знании истории и неспособности разглядеть в окутанном туманом море спасительные течения культуры.

*Mangel an Kenntnissen der Geschichte und Unfähigkeit, die großen tragenden geistigen **Ströme** von Jahrhunderten zu sehen und darin die Daten der jüngeren Geschichte einzuordnen.* (Незнание истории и неспособность увидеть великие интеллектуальные течения веков и классифицировать данные новейшей истории в их рамках) [21, С. 226].

*Es bekannten sich nur wenige zu der Formulierung, daß Tradition ein Fortführen von geistigen **Strömen** bedeutet.* (Лишь немногие приняли утверждение, что традиция означает продолжение духовных течений) [21, С. 268].

Штормовое море и бурные течения порой приносят не ответы на вопросы, а разрушительное беспокойство, поэтому иногда Эриху Топпу хотелось выдохнуть, на время оказавшись на тихом острове, найдя надежный якорь в виде дружеской поддержки. И слово *Insel*, и слово *Anker* позволяют метафорично отразить нечто, что приносит обособленность от внешнего мира, уверенность и надежность: *Auf einer **Insel** des Glücks in einem Meer von Not und Elend leben* (Жить на острове счастья в море бед и нищеты); *Diese Überzeugung war ihm ein einziger **Anker** im Leben* (Это убеждение было для него единственным якорем в жизни). Эрих Топп находит этот остров, этот якорь надежности в других людях, в дружбе, в искреннем доверии.

*Ich halte dieses freundschaftliche Vertrauen zueinander heute für eine ruhige **Insel** in der schnellen **Strömung** unserer Tage.* (Я считаю это дружеское доверие друг к другу спокойным островом в быстром течении нашего времени) [21, С. 104].

*Ich habe Haus, Gastgeber, die freundliche Atmosphäre und diese Worte nicht vergessen, sie waren wie ein **Anker**, der in bewegter See geworfen wurde.* (Я не забыл дом, хозяев, дружескую атмосферу и эти слова – они были словно якорь, брошенный в бурном море) [21, С. 166].

Найдя в бурном море послевоенной Германии острова спокойствия, надежные якоря дружеской поддержки и свет нравственных маяков, Эрих Топп подводит итог «плаванья», утверждая, что всегда надо придерживаться своего собственного курса даже в самом сложном и штормовом фарватере, в котором, словно в море, горят ориентирами навигации огни исторического и культурного опыта. И в минуты горькой рефлексии стоит направить штурвал корабля именно к ним. Слово *Kurs*, основа этой развернутой метафоры, часто употребляется образно для обозначения определенного направления, обусловленного какими-либо принципами и генеральными линиями: *der ökonomische neue **Kurs** der Regierung* (новый экономический курс правительства); *die Regierung behält ihren bisherigen **Kurs** bei* (правительство придерживается прежнего курса); *diese Partei steuert einen mittleren **Kurs*** (эта партия придерживается среднего (центристского) курса). Эрих Топп приходит в своих мемуарах к выводу, что Германии надо придерживаться европейского курса, и маяки западной культуры всегда укажут ей верный путь. Образное употребление глагола *ausbojen* (определять фарватер по буйам) из профессионального языка моряков придает еще больше основательности мыслям автора – при разворачивании метафоры создается впечатление четкого плана для плаванья через бурные воды жизни.

*Man muß seinen eigenen **Kurs** steuern, sein eigener **Lotse** bleiben in dem **Fahrwasser**, das **ausgebojt** ist mit 3.000 Jahren geschichtlichen Erfahrungen, das mit **Leuchtfuern** besetzt ist, die den **Glanz** abendländischer Kultur **ausstrahlen**.* (Нужно проложить свой собственный курс, оставаясь лоцманом в фарватере, словно буйами отмеченном трехсотлетним историческим опытом, что освещен маяками, излучающими сияние западной культуры) [21, С. 19].

Эрих Топп, оглядываясь на свой жизненный путь, представляет его плаванием, а себя мореходом, который несмотря на все штормы военных и послевоенных лет все-таки никогда не сдавался, храня в сердце надежду, что он найдет в этих бурных водах землю.

*Ich bin in meinem Leben immer wieder in die Lage des **Seefahrers** gekommen, der alles bewohnte Land hinter sich ließ in der Hoffnung, jenseits der Meere wieder Land zu finden.* (В своей жизни я неоднократно оказывался в роли мореплавателя, который оставлял позади все обитаемые земли в надежде вновь обрести землю по ту сторону моря) [21, С. 295].

Глядя в будущее, Топп представляет его в руках людей, которые смогут уверенно вести корабль Германии через все опасные зоны, неизменно и четко следуя намеченному навигацией курсу.

*Wir brauchen Menschen, die voller Verantwortung die Gefahrenzonen sehen, die das **Fahrwasser** ausbojen, das das **Schiff** der kommenden Generation fahren muß.* (Нам нужны преисполненные ответственности люди, которые видят опасные зоны и прокладывают курс для корабля следующего поколения) [21, С. 302].

Так, Эрих Топп заканчивает мемуары, подводя итог своей жизни, своей «Одиссее», и с надеждой глядя в будущее Германии, которая уже не представляется ему мрачным морем, полным теней прошлого, а водами, хоть и по-прежнему бурными, но способными вынести корабль его родины к новым, счастливым берегам. И Эрих Топп метафорически желает этому кораблю уверенного плаванья и надежного капитана.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. метафоры выполняют в мемуарах Эриха Топпа **функцию объяснения и структуризации** беспокойного мира послевоенной Германии, в которой не было ни определенности, ни идеологической четкости. С помощью метафор Эрих Топп пытается привести этот хаос послевоенных лет в порядок, чтобы понять, куда двигаться дальше;
2. метафоры выполняют **экспрессивную функцию** – за счет своего мощного когнитивного и творческого потенциала они способны выразить сильные эмоции и переживания;
3. еще одна функция метафор – **терапевтическая**. Метафоры прорабатывают негативные, болезненные воспоминания, находя особый образный язык, выражающий самые потаенные тревоги, мысли и чувства, и позволяя прийти от эмоционального напряжения к разрядке, к исцелению;

4. главное свойство проанализированных метафор – **наличие четкой сферы-источника**. Эрих Топп описывает мысли и переживания, глядя на жизнь сквозь призму своей профессии. Опытный моряк-подводник, он меряет жизнь привычными ему категориями, стремится объяснить ее знакомым языком, чтобы через область, ставшую для него смыслом и призванием, понять нечто незнакомое — бурные течения в море послевоенной Германии, и, поняв, выработать четкий план и нравственную навигацию для этого морского путешествия, для этой «Одиссеи», что в конце концов приведет его к новым жизненным установкам и спокойствию.

Так может ли язык выразить невыразимое или нам все-таки стоит прислушаться к Ф.И. Тютчеву и молча хранить в глубине души все чувства и переживания? Язык порой и правда не может выразить всего, однако, метафоры могут стать мощным средством, служащим для эмоциональной разрядки и исцеления. Поэтому изучение метафор на стыке лингвистики и психологии представляется перспективным и продуктивным, так как в результате сотрудничества этих дисциплин могут быть выработаны рекомендации психологам и психотерапевтам о том, как лучше использовать метафоры в разговорах с пациентами, как удачнее и тоньше раскрывать предложенные ими метафоры и как с помощью этих образов помогать прорабатывать негативные воспоминания и травмы.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Абросимова Ю.А. Виды и функции гипнотических метафор в психологическом консультировании / А.Ю. Абросимова // Вестник психиатрии и психологии Чувашии. — 2015. — № 2.
2. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / А. Ассман. — Москва: Новое литературное обозрение, 2023. — 328 с.
3. Багаева А.А. Метафоризация на начальном этапе исцеления в психотерапевтическом дискурсе (на материале английского языка) / А.А. Багаева // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2017. — № 2 (26).
4. Будаев Э.В. Становление когнитивной теории метафоры / Э.В. Будаев // Лингвокультурология. — 2007. — № 1.
5. Деметр К. Германский офицерский корпус в обществе и государстве. 1650–1945 / К. Деметр. — Москва: Центрполиграф, 2022. — 383 с.
6. Дениц К. Десять дней и двадцать дней. Воспоминания главнокомандующего военно-морскими силами Германии. 1935–1945 / К. Дениц. — Москва: Центрполиграф, 2023. — 495 с.
7. Майленова Ф.Г. Эпистемологическая метафора как мост в бессознательное / Ф.Г. Майленова, С.А. Бронфман // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. — 2018. — № 4.
8. Макашова В.В. Когнитивная теория метафоры А.Н. Баранова / В.В. Макашова // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». — 2022. — № 5.
9. Молчанова Г.Г. Когнитивная синестезийная метафора и теория напряженности / Г.Г. Молчанова // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2018. — № 4.
10. Нагирняк В. Битва за Атлантику. Откуда пришли «волчьи стаи»? / В. Нагирняк. — Москва: Яуза-Каталог, 2020. — 416 с.
11. Нагирняк В. Подводные асы Третьего рейха / В. Нагирняк. — Москва: Яуза-Каталог, 2019. — 384 с.
12. Нагорная А.В. Использование метафор в психотерапевтической практике (обзор) / А.В. Нагорная // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6, Языкознание: Реферативный журнал. — 2021. — № 4.
13. Осокина С.А. Лингвистические исследования метафоры: краткий обзор / С.А. Осокина, В.Н. Карпухина, Е.А. Савочкина // МНКО. — 2021. — № 4 (89).
14. Пятунина А.А. О когнитивном потенциале метафоры в научном дискурсе / А.А. Пятунина // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». — 2021. — № 3.
15. Редер Э. Гросс-адмирал. Воспоминания командующего ВМФ Третьего рейха. 1935–1943 / Э. Редер. — Москва: Центрполиграф, 2004. — 489 с.
16. Солодилова И.А. Метафора: когнитивные основы оценочности / И.А. Солодилова // Вестник ОГУ. — 2013. — № 11 (160).
17. Тихонова И.В. Метафора в когнитивных исследованиях / И.В. Тихонова, И.А. Тихонов // Вестник Череповецкого государственного университета. — 2015. — №7 (68).
18. Цыгунова М.М. Метафоры депрессии, тревоги и гнева в терапевтическом дискурсе / М.М. Цыгунова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6, Языкознание: Реферативный журнал. — 2021. — № 4.
19. Чудинов А.П. Когнитивная теория метафоры на современном этапе развития / А.П. Чудинов, Э.В. Будаев // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2007. — № 4.

20. Чудинов А.П. Когнитивно-дискурсивное исследование политической метафоры / А.П. Чудинов // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2004. — № 1.
21. Topp E. Fackeln über dem Atlantik: Lebensbericht eines U-Boot-Kommandanten / E. Topp. — Herford: Verlag Mittler & Sohn, 1993. — 301 S.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Abrosimova Ju.A. Vidy i funkcii gipnoticheskikh metafor v psihologicheskom konsul'tirovanii [Types and functions of hypnotic metaphors in psychological counselling] / A.Ju. Abrosimova // Vestnik psichiatrii i psihologii Chuvashii [Bulletin of Psychiatry and Psychology of Chuvashia]. — 2015. — № 2. [in Russian]
2. Assman A. Dlinnaja ten' proshlogo: memorial'naja kul'tura i istoricheskaja politika [The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Policy] / A. Assman. — Moscow: New Literary Review, 2023. — 328 p. [in Russian]
3. Bagaeva A.A. Metaforizacija na nachal'nom jetape iscelenija v psihoterapevticheskom diskurse (na materiale anglijskogo jazyka) [Metaphorisation at the initial stage of healing in psychotherapeutic discourse (on the material of English)] / A.A. Bagaeva // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki [Topical Problems of Philology and Pedagogical Linguistics]. — 2017. — № 2 (26). [in Russian]
4. Budaev Je.V. Stanovlenie kognitivnoj teorii metafory [Formation of the cognitive theory of metaphor] / Je.V. Budaev // Lingvokul'turologija [Linguoculturology]. — 2007. — № 1. [in Russian]
5. Demetr K. Germanskij oficerskij korpus v obshhestve i gosudarstve [The German officer corps in society and the state]. 1650–1945 / K. Demetr. — Moscow: Centrpoligraf, 2022. — 383 p. [in Russian]
6. Denic K. Desjat' dnei i dvadcat' dnei. Vospominanija glavnokomandujushhego voenno-morskimi silami Germanii [Ten Days and Twenty Days. Memoirs of the Commander-in-Chief of the German Navy]. 1935–1945 / K. Denic. — Moscow: Centrpoligraf, 2023. — 495 p. [in Russian]
7. Majlenova F.G. Jepistemologicheskaja metafora kak most v bessoznatel'noe [Epistemological metaphor as a bridge to the unconscious] / F.G. Majlenova, S.A. Bronfman // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filosofija. Politologija. Kul'turologija [Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Cultural Studies]. — 2018. — № 4. [in Russian]
8. Makashova V.V. Kognitivnaja teorija metafory A.N. Baranova [Cognitive theory of metaphor of A.N. Baranov] / V.V. Makashova // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Serija «Istorija i filologija» [Bulletin of Udmurt University. 'History and Philology Series']. — 2022. — № 5. [in Russian]
9. Molchanova G.G. Kognitivnaja sinestezijsnaja metafora i teorija naprjazhennosti [Cognitive synaesthetic metaphor and the theory of tension] / G.G. Molchanova // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 19. Lingvistika i mezkul'turnaja kommunikacija [Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication]. — 2018. — № 4. [in Russian]
10. Nagirnjak V. Bitva za Atlantiku. Otkuda prishli «volch'i stai»? [Battle for the Atlantic. Where did the 'wolf packs' come from?] / V. Nagirnjak. — Moscow: Jauza-Katalog, 2020. — 416 p. [in Russian]
11. Nagirnjak V. Podvodnye asy Tret'ego rejha [The submarine aces of the Third Reich] / V. Nagirnjak. — Moscow: Jauza-Katalog, 2019. — 384 p. [in Russian]
12. Nagornaja A.V. Ispolzovanie metafor v psihoterapevticheskoj praktike (obzor) [The use of metaphors in psychotherapeutic practice (review)] / A.V. Nagornaja // Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Ser. 6, Jazykoznanie: Referativnyj zhurnal [Social and Humanities. Domestic and foreign literature. Ser. 6, Linguistics: Abstract Journal]. — 2021. — № 4. [in Russian]
13. Osokina S.A. Lingvisticheskie issledovanija metafory: kratkij obzor [Linguistic studies of metaphor: a brief overview] / S.A. Osokina, V.N. Karpuhina, E.A. Savochkina // MNKO. — 2021. — № 4 (89). [in Russian]
14. Pjatunina A.A. O kognitivnom potenciale metafory v nauchnom diskurse [On the cognitive potential of metaphor in scientific discourse] / A.A. Pjatunina // Vestnik RGGU. Serija «Psichologija. Pedagogika Obrazovanie» [Bulletin of RSUH. Series 'Psychology. Pedagogy. Education']. — 2021. — № 3. [in Russian]
15. Reder Je. Gross-admiral. Vospominanija komandujushhego VMF Tret'ego rejha [Grand Admiral. Memoirs of the Commander of the Third Reich Navy]. 1935–1943 / Je. Reder. — Moscow: Centrpoligraf, 2004. — 489 p. [in Russian]
16. Solodilova I.A. Metafora: kognitivnye osnovy ocenocnosti [Metaphor: cognitive bases of evaluability] / I.A. Solodilova // Vestnik OGU [Bulletin of OSU]. — 2013. — № 11 (160). [in Russian]
17. Tihonova I.V. Metafora v kognitivnyh issledovanijah [Metaphor in cognitive research] / I.V. Tihonova, I.A. Tihonov // Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Cherepovets State University]. — 2015. — №7 (68). [in Russian]
18. Cygunova M.M. Metafory depressii, trevogi i gneva v terapevticheskom diskurse [Metaphors of depression, anxiety and anger in therapeutic discourse] / M.M. Cygunova // Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Ser. 6, Jazykoznanie: Referativnyj zhurnal [Social and Humanities. Domestic and foreign literature. Ser. 6, Linguistics: Abstract Journal]. — 2021. — № 4. [in Russian]
19. Chudinov A.P. Kognitivnaja teorija metafory na sovremennom jetape razvitija [Cognitive theory of metaphor at the present stage of development] / A.P. Chudinov, Je.V. Budaev // Voprosy kognitivnoj lingvistiki [Issues of Cognitive Linguistics]. — 2007. — № 4. [in Russian]
20. Chudinov A.P. Kognitivno-diskursivnoe issledovanie politicheskoi metafory [A cognitive-discursive study of political metaphor] / A.P. Chudinov // Voprosy kognitivnoj lingvistiki [Issues of Cognitive Linguistics]. — 2004. — № 1. [in Russian]
21. Topp E. Fackeln über dem Atlantik: Lebensbericht eines U-Boot-Kommandanten [Torches over the Atlantic: Life story of a submarine commander] / E. Topp. — Herford: Verlag Mittler & Sohn, 1993. — 301 p. [in German]